

АЛЕКСАНДР СТЕГНИЙ,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических процессов Института социологии НАН Украины

Региональный фактор развития политической культуры населения Украины

Abstract

The author of this article examines the regional factor influence on integration and energizing functions of political culture of the population of Ukraine. As a factor of influence on the above-mentioned functions, the region is analyzed as a territorial organization of socio-political and socio-cultural aspects of human community activity. The compatibility of common social and cultural values as well as the level of political solidarity is researched on the basis of historical identity, spatial and territorial self-identification, desirable vector of the region development connected with the opposition “nationally integrated – regionally autonomous” as well as the level of territorial community authoritarianism. On the grounds of findings the author concludes about political culture of all regions of Ukraine that can be defined as inclined to the passive integration pattern with a certain inessential deviation.

Проблема регионализма в новейшей истории Украины

В социологической литературе регион рассматривается прежде всего как пространство определенной социальной структуры, организации власти и культурных традиций, что дает основания социологам говорить о территориально дифференцированном сообществе людей. С позиции социологического подхода территориальную организацию можно понимать как совокупность территориальных сообществ разного уровня и отношений между ними [1, с. 6; 2, с. 178–179]. Задачей социологического исследования является изучение региональных различий в условиях жизнедеятельности территориальных сообществ. В социологическом анализе социально-территориальной структуры общества исследователь акцентирует внимание на социальном механизме функционирования и развития социально-территориальных сообществ.

Как свидетельствуют результаты массовых социологических опросов¹, для абсолютного большинства украинских граждан понятие “регион” приобретает два значения: это и местность, где они постоянно проживают, и та часть территории Украины, которая отличается от области своей историей, культурой, экономикой и размерами.

В начале 90-х годов прошлого века в украинском обществе велась острая дискуссия относительно федерального устройства страны. Аргументом в поддержку такого устройства были особенности этнического, социально-экономического, культурного и языкового характера, свойственные каждому из исторических регионов Украины. По мнению сторонников федерального устройства, принадлежность к единой украинской нации не отрицает, а наоборот, для его сохранения и укрепления, предполагает предоставление широких автономных прав с учетом местных особенностей различных территорий Украины.

Стремление региональных элит усилить собственную роль в политической жизни Украины обусловило активизацию регионального движения на рубеже 1998–1999 годов. В этот период представители региональных элит в основном пытались реализовать свои интересы через различные политические партии² и общественно-политические формирования (организация “Возрождение региона” в Одесской области, Союз лидеров местной и региональной власти Украины, депутатская группа “Возрождение регионов” в Верховной Раде).

Определяющей чертой современного регионального движения в первую очередь остается его элитарность, поскольку его базу составляют преимущественно руководители соответствующих управленческих структур и отдельные народные депутаты. В итоге имеем неконсолидированность регионального движения, поскольку, несмотря на общий интерес (постепенная децентрализация управления и передача ряда полномочий на региональный уровень), существуют расхождения между экономическими интересами разных региональных и межрегиональных групп.

На президентских выборах 2004 года практически встал вопрос: какой должна быть структурная конфигурация государственной власти в Украине?

Впервые в новейшей истории страны возникла ситуация, когда символический и культурный капитал элиты Западной Украины, социальный капитал столичного истеблишмента и частично экономический капитал властной элиты всей Украины могут быть сконцентрированы в едином центре влияния и в руках одной политической группы.

Проблемность такой ситуации заключается в том, что едва ли не впервые элита Восточной Украины, которая еще в советский период генериро-

¹ Общенациональный опрос 1200 респондентов, проведенный Центром “СОЦИС” в 1997 году, и общенациональный опрос 1800 респондентов, проведенный Институтом социологии НАНУ в 2004 году.

² В ноябре 2000 года на объединительном съезде Партия регионального возрождения Украины и еще четыре партии создали Партию регионального возрождения “Трудовая солидарность Украины”. В марте 2001 года на внеочередном съезде объединенная партия получила новое название — Партия Регионов. По состоянию на декабрь того же года ряды Партии Регионов насчитывали более 460 тыс. человек, объединенных в более чем 8 тыс. парторганизаций, в том числе 7200 — первичных (см.: <http://www.polit.com.ua>).

вала экономическую власть и оказывала мощное влияние на политические процессы в общенациональном масштабе, может утратить эти рычаги влияния на уровне президентских полномочий. Восточно-промышленная и столично-центральная элиты не смогли побороть оппозиционного кандидата в лице В.Ющенко и его политическую группу, которая после прихода к власти может получить все основные виды социального капитала (по П.Бурдьё).

Попытка провозглашения Юго-Восточной Украинской автономной республики была прежде всего социальной рефлексией региональной элиты Востока Украины на нарушение баланса межрегиональных и межсекторальных потоков власти и источников политического влияния.

Завершая краткий исторический экскурс развития феномена регионализма в Украине, следует выделить две его основные формы. Первая связана с экономическими интересами регионов и в целом географически совпадает с существующим административно-областным делением. Эта форма потенциально способна стать доминирующим фактором регионализации. Однако на современном этапе, когда еще рано говорить о действительном балансе между защитой общегосударственных экономических интересов и отстаиванием местных экономических интересов на региональном уровне, решающую роль играет вторая форма регионализма — историко-этническая, игнорирование которой создает предпосылки для ощутимой напряженности во внутривнутриполитической ситуации. В этом контексте социальные исследователи выделяют, как правило, четыре или шесть (в случае деления Востока на Северо-Восточный регион (Слобожанщина) и Донбасс и отдельного рассмотрения Юга Украины и АР Крым) регионов.

Региональные различия политической культуры как предмет социологического исследования

Украинские социологи уделяют должное внимание влиянию исторических особенностей общественного развития территориальных сообществ на отношение их к событиям исторического прошлого нашей страны, атрибутам ее государственности, выбору векторов внешней политики и стратегических партнеров [см.: 3–10].

Региональные субкультуры в Украине, как справедливо отмечает С.Макеев, “являются продуктом исторического развития, поселенческой, образовательной и возрастной структур населения, укоренившихся в привычках, образе жизни, восприятии и объяснении индивидами действительности, их социального и экономического положения” [9, с. 8].

Социологические исследования середины 1990-х годов, целью которых было выявление региональных различий в политических ориентациях населения Львова и Донецка, дают основания их авторам высказать предположение: наиболее существенными различиями между жителями обоих городов являются этнические и политические, тогда как социальные различия отходят на второй план [11, с. 108].

Мониторинг динамики процессов личной самоидентификации и формирования идентификационных моделей представителей трех поколений жителей Львова и Донецка в течение 1994–1999 годов выявил весомость локальной региональной идентичности для жителей обоих городов (идентитеты: “львовянин” и “донеччанин”). При этом представители разных генера-

ций Львова в целом демонстрируют образцы более статичной социальной среды, тогда как жители Донецка — более динамичной [12, с. 256–257].

Среди отечественных социологов также бытует мнение о существовании политической географии Украины, конституированной выборами 1994 года¹, когда на должность Президента впервые был избран Л.Кучма. Это означает, что “историко-культурные, экономические, поселенческие различия приняли политическую форму и были низведены до роли средств политической борьбы за доминирование, а их акцентуация становится одним из правил политической игры” [13, с. 6].

Социальные исследователи отмечают существование региональных различий политической культуры не только по оси “Восток–Запад”. Так, Н.Погорила выдвигает гипотезу о существовании “горизонтального” (Запад–Восток) и “вертикального” (Север–Юг) культурального деления Украины. Анализируя политическую культуру как комбинацию политической компетенции, доверия к политикам и политической активности, Н.Погорила указывает на отсутствие линейной связи отмеченных элементов политической культуры с осью “Запад–Восток”. Более того, по ее мнению, противостояние политических культур типа “гражданская–отчужденная” характерно скорее для Центра и Юга [14, с. 64, 78].

В плоскости политической культуры политологи называют три вектора влияния в политическом пространстве Украины: юго-западный — вектор влияния на культурные и религиозные процессы; юго-восточный — вектор влияния на экономические решения; южный (включая АР Крым) — вектор влияния на сепаратистские и автономистские тенденции в украинской политике [15]. Наряду с этим в современном украинском обществе выделяются три политические субкультуры — русская, украинская и западная, различия между которыми объясняются прежде всего разным уровнем социально-экономической активности и отношением к национальным интересам [16, с. 142–143].

То есть речь идет о сегментациях политико-культурного пространства Украины. Существующие региональные сообщества отличаются особым региональным сознанием, основанным на региональной идентификации, региональных интересах и ценностях, общем историческом и политическом опыте, этноконфессиональных особенностях, наличии региональных “агентов” формирования политической культуры.

Таким образом, правомерно говорить об отсутствии в современном украинском обществе *консенсусной политической культуры* с согласованным отношением граждан всей страны в целом к конкретным политическим силам, отстаивающим соответствующие идеологические ценности и политический вектор развития, в частности к внешнеполитическому курсу в условиях развертывания глобализационных процессов.

Вместе с тем можно говорить о существовании в нашей *стране конфликтных политических культур* в региональном измерении. Научная проблема заключается в том, насколько существенным является уровень указанной

¹ Напомним, что в том году в Украине состоялись и парламентские, и досрочные президентские выборы.

конфликтности и, прежде всего, какие именно составляющие политической культуры затрагиваются во временном срезе.

Для решения поставленной проблемы использован функциональный подход в исследовании политической культуры¹. К важнейшим функциям политической культуры относятся:

- познавательная (показатели: интерес к политике, политические знания);
- оценочная (оценка политической ситуации и политических событий, деятельности политических организаций и лидеров);
- ориентационная (отношение к идеологическим ценностям, к различным политическим силам, отстаивающим эти ценности);
- интеграционная (доверие к политическим институтам, политическая идентификация);
- активационная (политическое участие, политическая компетентность, готовность к политическим акциям, электоральные предпочтения);
- прогностическая (ожидания и опасения, связанные с политической перспективой).

Предметом нашего исследования является влияние регионализма на важнейшие функции политической культуры территориальных сообществ Украины в течение первого десятилетия государственной независимости. Учитывая массовые социальные волнения в конце 2004 года (“оранжевая революция”) и вероятные новые сценарии социально-политического развития страны, среди упомянутых функций политической культуры наиболее актуальными представляются интеграционная и активационная. Комбинирование этих функций позволяет построить четыре типа политических культур: интеграционно-активационный, интеграционно-пассивный, дезинтеграционно-активационный и дезинтеграционно-пассивный.

Приведенная типология применима в первую очередь для определения перспектив построения в Украине гражданского общества с соответствующим уровнем социальной самоорганизации, а также общественной поддержки государственного устройства по линии “унитарность–автономность”.

Регион как фактор влияния на указанные функции политической культуры будет интересовать нас прежде всего в плане принципов территориальной организации социально-политических и социокультурных аспектов жизнедеятельности человеческих сообществ. Совместимость общих социально-культурных ценностей и уровень политической солидарности анализируются в терминах исторической идентичности, пространственно-территориальной самоидентификации, желаемого вектора развития региона, связанного с оппозицией “национальная интеграция – региональная автономия” [подр. см.: 4] и уровня авторитаризма территориальных сообществ.

Эмпирическими данными для выявления возможных региональных различий в политической культуре населения Украины будут служить общенациональные опросы, проводимые в рамках мониторингового проекта “Украинское общество” в течение 1994–2005 годов, вторая волна нацио-

¹ Данный подход предложен Е. Головахой в рамках выполнения плановой темы отдела социально-политических процессов ИС НАНУ “Политическая культура украинского общества: тенденции и закономерности развития”.

нального массового опроса “Политическая культура населения Украины” (ноябрь 1991 года)¹, а также общенациональный опрос 1997 года, проведенный в рамках социологического проекта “Регионы в Украине: динамика, движения и политика”².

Влияние регионального фактора на политическую культуру рассматривается на основе четырех макрорегионов: Центра, Запада, Востока и Юга. Целесообразность такого деления обусловлена увеличением выборочной совокупности для статистического анализа и оправдывается совпадением территории названных макрорегионов с географическим распределением электоральных различий во время парламентских и президентских выборов последнего десятилетия.

Распределение выборок по макрорегионам представлено в таблице 1. Для учета различий количественного состава цифрами обозначены: 1 — мониторинговое исследование “Украинское общество”; 2 — вторая волна опроса “Политическая культура”; 3 — опрос “Регионы в Украине”. Различия макрорегионального распределения вызваны различиями в построении выборочной совокупности и размерах выборки.

Во всех таблицах данные приведены в соотношении с количеством ответов, а не с общим количеством респондентов.

Таблица 1

Распределение выборок по макрорегионам Украины

Макрорегионы	Состав по областям	N		
		1	2	3
Центр	Винницкая, Житомирская, Кировоградская, Киевская (вместе с Киевом), Полтавская, Сумская, Хмельницкая, Черкасская, Черниговская	590	456	329
Запад	Волынская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Ровенская, Тернопольская, Черновицкая	326	366	251
Восток	Харьковская, Донецкая, Луганская	402	281	294
Юг	Днепропетровская, Запорожская, Николаевская, Одесская, Херсонская, АР Крым	482	649	326

Региональный фактор интеграционной функции

Анализ регионального фактора интеграционной функции политической культуры базируется на выявлении исторической идентичности территориальных сообществ, их пространственно-территориальной самоидентификации и ориентации относительно желаемого вектора развития региона по линии “унитарность — автономность”. Показателями собственно интег-

¹ Опрос проводился в рамках международной программы изучения политической культуры населения Восточной Европы. Метод сбора информации — стандартизированное интервью. Всего по репрезентативной выборке было опрошено 1752 респондента.

² Проект Международной ассоциации содействия сотрудничеству с учеными из независимых государств бывшего Советского Союза (INTAS) № 94-3938. Метод сбора информации — стандартизированное интервью. Всего по репрезентативной выборке было опрошено 1200 респондентов.

рациональной функции выступают: доверие к политическим институтам (базовому триумvirату — президент–парламент–правительство) и политическая идентичность.

Восприятие исторического прошлого формирует установки будущего, а значит и инструментарий коллективных действий и стратегический потенциал территориального сообщества. Авторы коллективной монографии по проблемам формирования регионов в постсоциалистической Европе трактуют историю как “сокровищницу” или “контейнер” символов, которые можно либо забывать, либо активизировать или реконструировать, а также придавать им новую форму в коммуникационном взаимодействии [17, т. 1, с. 33].

Как свидетельствует проведенное с участием автора общенациональное исследование [4], подавляющее большинство граждан Украины артикулирует важность знания культуры и истории для этнической идентификации человека. Однако отношение к событиям национальной истории имеет свои особенности.

История Украины после провозглашения ее независимости подверглась фактической ревизии под лозунгом “восстановления исторической правды”. В частности, в Украине были изданы новые учебники для общеобразовательных средних школ. Те исторические персоналии, которые в советский период были объявлены “националистами” и вообще “предателями” интересов украинского народа, получили новые, нередко качественно противоположные оценки. Это обстоятельство объективно усложняет анализ отношения населения к событиям украинской истории.

Вместе с тем, отношение к важнейшим событиям национальной истории позволяет, с одной стороны, проследить уровень исторической памяти, а с другой — определить влияние оценки исторического события на современные политические ориентации респондентов.

Историческая память как разновидность социальной памяти содержит в концентрированной форме разнообразный опыт людей, их оценки минувших событий, которые отражаются в определенной реакции общественного мнения на тот или иной внешний объект. “Символический капитал” правомерно рассматривать как “запас знаний и символов”, распространенных в обществе или социальной группе. Символические ресурсы накапливаются в ходе истории и могут быть материализованы в дискурсах и коллективных действиях относительно содержательных знаков, в восприятии конкретных исторических событий, мифах и представлении фактов, концепциях, мировоззрении и теоретических конструкциях.

При этом следует помнить, что историческое познание так или иначе оказывается зависимым от политической организации общества, и поэтому речь идет о необходимости предупреждения опасности мифологизации исторического сознания.

Каким образом характер оценки отдельных исторических персоналий или событий выступает инструментом построения социальной самоидентификации и создания современных “воображаемых” сообществ, помогает выявить *историческая идентичность*, формируемая в рамках дискурса официального толкования истории и персонифицированной памяти индивида. Историческая идентичность в сочетании с памятью делает возможным выделение персонифицированной позитивной оценки исторических персоналий или событий независимо от их временной отдаленности и соот-

носится со взглядом на исторические события, сформированным под влиянием знаний, приобретенных в ходе обучения в рамках среднего и высшего образования, утверждений политических фигурантов различной ориентации, распространяемых средствами массовой информации [8, с. 27].

Построение исторической идентичности приобретает выборочный характер по сравнению с официальным изложением истории, когда одни факты или персоналии прошлого инкорпорируются в общий дискурс и становятся объектами признания и восторженности, а другие — объектами изоляции, отрицания или забвения. Критерием для таких селекционных процессов обычно является политическая конъюнктура и система ценностей соответствующей социальной, политической и экономической среды.

Немецкий культуролог Йорн Рюсен предлагает типологизацию исторических событий в соответствии с модальностью их влияния на формирование исторической идентичности. Это события позитивной и негативной модальности влияния, а также те, которые вытесняют прежние концепции коллективной идентичности новейшими. Кроме того, Й.Рюсен делит исторические события по их месту в историческом развитии коллективной идентичности любой нации на три типа: события как поворотные пункты; события, аннулирующие предыдущие образцы коллективной идентичности; события, реанимирующие эти паттерны [18].

Включенные в инструментарий исторические события соотносятся с приведенной типологией и по критерию хронологической последовательности делятся на три категории.

Первая категория охватывает хронологические рамки XVII века, то есть период активной борьбы украинского народа против польского порабощения.

На Переяславской Раде 1654 года был юридически оформлен союз Украины с Россией, принятый украинской стороной с надеждой на равноправные отношения и помощь в борьбе за освобождение от польского господства. Однако этим надеждам не суждено было сбыться из-за фактической ликвидации зарождавшейся украинской государственности по воле России. Это принципиальный момент, поскольку сторонники реанимации СССР напоминают о волеизъявлении украинского народа 1654 года без упоминания о действительных причинах заключения этого союза для Украины [19; 20].

Ко второй категории относится период установления Советской власти, начало которой положила Октябрьская революция 1917 года, или, с точки зрения некоторых историков, Октябрьский переворот.

Третья категория охватывает период новейшей истории. Речь идет о распаде Советского Союза и провозглашении государственной независимости Украины.

Для получения индекса оценки исторических событий использована порядковая трехбалльная шкала, где 1 балл означает негативное, 2 — безразличное, 3 балла — позитивное отношение.

Проследить динамику восприятия населением Украины конкретных исторических событий в региональном разрезе позволяют данные исследовательского проекта “Регионы в Украине: динамика, движения и политика” [4, с. 50] и результаты общенационального опроса Института социологии НАНУ “Украинское общество–2004”.

Сразу же заметим, что опросы отличались размерами выборочной совокупности и методами сбора эмпирической информации (соответственно стандартизированное интервью и раздаточное анкетирование). Однако в обоих случаях использовались аналогичная шкала и формулировка вопросов, поэтому можно говорить о корректности сравнения если не абсолютных числовых показателей, то тенденций.

Таблица 2

Динамика оценки исторических событий по макрорегионам, баллы

Макро- регионы	Оценка исторических событий							
	Переяславская Рада 1654 года		Октябрьская революция 1917 года		Распад СССР		Провозглашение независимости Украины	
	1997	2004	1997	2004	1997	2004	1997	2004
Центр	2,47	2,36*	2,01	2,15*	1,64	1,55	2,22	2,29
Восток	2,56	2,59	2,12	2,21*	1,27	1,29	1,61	1,95**
Запад	2,18	2,14	1,57	1,79**	2,40	2,29	2,82	2,83
Юг	2,50	2,41*	2,24	2,07**	1,30	1,34	1,84	2,02**
В целом по Украине	2,43	2,38	2,01	2,08*	1,62	1,56	2,10	2,25**

* — разница данных значима на уровне 0,05.

** — разница данных значима на уровне 0,01.

Приведенные данные дают основания говорить о колебаниях во времени отношения региональных сообществ к конкретным событиям исторического прошлого Украины.

Так, к Переяславской Раде заметно уменьшилось позитивное отношение населения Центра и Юга. Что касается Октябрьской революции, то ее стали более позитивно воспринимать жители всех регионов, за исключением Юга, где оценка этого исторического события получила более негативную окраску по сравнению с опросом 1997 года. Отношение региональных сообществ к распаду Советского Союза в пределах указанного временного промежутка можно считать устойчивым, поскольку не было зафиксировано сколько-нибудь значительных темпоральных различий.

Не в последнюю очередь благодаря позитивным сдвигам в социально-экономическом развитии страны ощутимо улучшилось отношение респондентов Востока и Юга к такому историческому событию, как провозглашение государственной независимости Украины. Хотя диспозиция этих регионов в сопоставлении с Западом и Центром не изменилась, тем не менее смягчилась модальность самого отношения к независимости: смещение от негативно-нейтрального к более четко выраженному нейтральному.

Последний результат заслуживает особого внимания, поскольку дает повод с долей осторожности говорить о тенденции постепенного нивелирования идеологического противостояния Запада и Востока с Югом относительно целесообразности существования унитарной украинской государственности. Вместе с тем необходимо предостеречь от крайне негативных последствий возможного форсирования обозначенной тенденции цент-

ральными органами государственной власти с использованием административных рычагов.

Зафиксированные различия во временной плоскости, однако, не противоречат существованию как минимум двух закономерностей. Во-первых, наиболее позитивно оценивают исторические события, связанные со становлением украинской государственности, респонденты в Западном регионе. Их индекс оценки имеет расхождения с остальными макрорегионами, значимые на однопроцентном уровне. Во-вторых, наиболее явно негативное отношение к таким событиям украинской истории характерно для жителей Востока и Юга¹.

Наряду с исторической идентичностью влияние регионального фактора на интеграционную функцию политической культуры определяет, в значительной мере, **пространственно-территориальная идентичность** региональных сообществ.

Социальные группы и индивиды демонстрируют в своем поведении многочисленные виды идентичностей, включая политическую и территориальную. Последняя приобретает четкие черты и становится весомым фактором политической жизни в “многосложных обществах” (по А.Лейпхарту), где группы населения выделяются по определенным сегментовым различиям, прежде всего социокультурным и идеологическим.

Путь личности к пространственно-территориальному сообществу включает следующие вехи: поиск этого сообщества, опора на которое придает личности уверенности; осознание себя как его частицы, то есть интеграция с “мы”; формирование чувств принадлежности к сообществу, солидарности с ним; интериоризация групповых идеалов, ценностей, интересов, потребностей, целей, норм; формирование чувства ответственности личности перед сообществом.

Анализ пространственно-территориальной идентификации помогает выявить уровень идентификации индивида с определенным масштабом пространственно-территориальным сообществом; определить самоидентификацию индивида как социального актора в рамках того или иного пространственно-территориального сообщества.

Личность, рассматриваемая сквозь призму системы связей и отношений с сообществами, предстает как носитель взаимосвязанных идентитетов, оказывающих взаимовлияние как совокупность самоопределений через отнесение к разным сообществам.

Различия между региональными политическими идентичностями формируются под влиянием долго- и краткосрочных факторов. Первые охватывают особенности поселенческой сети, этнического состава, религиозности, исторической идентичности, установок относительно демократии и тоталитаризма, стереотипы по поводу региональной автономии и сохранения унитарного устройства национального государства. Краткосрочные факторы, в свою очередь, связаны с ситуативными интересами региональных элит, размещением общенациональных информационных ресурсов и конфигура-

¹ Острая полемика по поводу предоставления воинам Украинской Повстанческой Армии (УПА) статуса ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 годов также подтверждает существование разных представлений региональных сообществ Украины об общем прошлом и различие исторической идентичности.

цией регионального медийного пространства, текущими политическими процессами (типичный пример — избирательные кампании).

В результате взаимодействия указанных факторов может возникать “паттерн регионального развития” — исторически складывающийся тип воспроизводства региональной идентичности, своеобразный “социокультурный код” региона, определяющий тип его развития [21, с. 79].

Идентитеты личности разворачиваются в социальном пространстве по горизонтали и вертикали. В нашем случае речь идет о вертикальном идентитете, формирующемся в пространственно-территориальной сфере в разных по уровню сообществах. Поэтому пространственно-территориальную идентификацию можно рассмотреть в вертикальной плоскости по восходящей: от локального населенного пункта, где постоянно проживает человек, до макроидентификации с “гражданами мира”.

Для выявления пространственно-территориальной идентификации в наших исследованиях респондентам предлагали семибалльную шкалу, на которой 1 балл означал первый локальный уровень (населенный пункт), а 7 — макроуровень (“гражданин мира”). Все градации шкалы были сгруппированы в четыре основных уровня идентификации.

Локальный включает идентификацию со своим населенным пунктом или регионом, что вполне логично, учитывая специфику понимания респондентами термина “регион”. Национальный уровень предполагает идентификацию с гражданами Украины и представителями своего этноса/нации, а постсоветский — соответственно, с населением бывшего Советского Союза. И наконец, транснациональный уровень, объединяющий тех, кто идентифицировал себя с гражданами Европы и мира.

В современном постмодерном мире личность входит в новую систему координат самоопределения и самоидентификации. Вследствие активного взаимодействия разных культур человек с помощью массовой информации не только идентифицирует себя с сообществами “здесь” и “сейчас”, но и вовлекается в глобальную систему социального пространства.

Анализ позиции “гражданин мира” интересен и по другой причине. С одной стороны, выбор этой позиции можно толковать как степень осознания человеком своей свободы вследствие разрушения “железного занавеса” закрытой советской системы, освобождения из-под тотального контроля, а также как выражение его стремления к познанию достижений мировой культуры. С другой стороны, выбор этой позиции может также свидетельствовать о пренебрежении национальными достижениями, ценностями, о нарушении межпоколенческих связей и традиций.

В современном дискурсе доминируют такие актуальные понятия, как “интернационализация” и “глобализация”. В общественных дебатах в Восточной и Западной Европе все более важными становятся международные координаты общественной ориентации и политики. При этом обычно забывают тот факт, что данная ориентация в обеих частях Европы соответствует взглядам, в первую очередь, элиты. Место, где люди чувствуют себя комфортно и где хорошо ориентируются, в значительной мере остается локальным.

В Украине принадлежность к региону или к нации является доминирующим пространством социального опыта, ориентации и эмоциональной связи. Привлекает внимание тот факт, что за последние пять лет уровень локальной самоидентификации заметно снизился, а национальной — наоборот, возрос.

Принадлежность к бывшему Советскому Союзу лишь для немногих остается пространством, с которым они себя эмоционально идентифицируют. Хотя за указанный промежуток времени общая численность этой категории существенно сократилась, она все еще остается весьма значительной.

Провозглашение в преамбуле Конституции СССР 1977 года возникновения новой исторической общности людей — советского народа имело мощную идеологическую поддержку советской тоталитарной машины и не прошло бесследно для массового сознания. Поэтому сейчас, образно говоря, Советского Союза уже нет, а советские люди продолжают существовать.

Результаты социологических опросов показывают, что политическая воля к обретению новой идентичности у многих рядовых украинцев была детерминирована экономическим фактором. Весной 1996 года, то есть через пять лет после провозглашения независимости, под влиянием негативного социально-экономического фактора только каждый четвертый поддерживал независимость Украины [4, с. 46–47].

Постепенное улучшение экономической ситуации обусловило рост рядов сторонников государственной независимости. Так, в 2001 году уже более 56% респондентов высказали готовность в случае референдума подтвердить свой выбор в пользу государственной независимости Украины¹.

Таблица 3

Динамика пространственно-территориальной самоидентификации по макрорегионам, %

Уровни самоидентификации по годам	Центр	Запад	Восток	Юг	По Украине
<i>Локальный</i>					
2000	36,8	44,5	37,2	36,9	38,3
2004	41,7	36,6	37,8	31,9	37,3
2005	31,9	26,7	32,6	31,3	31,0
<i>Национальный</i>					
2000	49,8	43,9	34,4	34,0	41,1
2004	47,8	57,2	38,8	47,4	47,4
2005	60,1	66,9	50,3	50,8	56,7
<i>Постсоветский</i>					
2000	7,8	1,8	20,2	17,8	12,2
2004	6,4	2,5	18,2	15,5	10,8
2005	4,9	1,8	13,2	12,0	8,1
<i>Транснациональный</i>					
2000	5,5	9,8	8,2	11,2	8,4
2004	2,5	3,1	3,5	3,8	3,2
2005	2,4	3,1	2,7	5,0	3,3

¹ Национальный опрос в рамках проекта «СОЦИС-Омнибус». Опрошено 1200 респондентов по репрезентативной выборке. Метод сбора информации — стандартизированное интервью по месту постоянного проживания.

Прыжок к космополитической идентификации, желание стать гражданином мира остаются на последнем месте, причем в начале 2005 года, по сравнению с первым опросом, количество таких респондентов сократилось более чем вдвое.

Социологический мониторинг фиксирует постепенное снижение уровня локальной самоидентификации во всех регионах в течение последних пяти лет. Наиболее заметное уменьшение этой категории населения наблюдается в Западном регионе: если в 2000 году здесь была выявлена самая многочисленная среди всех регионов группа с локальной самоидентификацией, то пять лет спустя такая разновидность пространственно-территориальной самоидентификации по удельному весу достигла среднего уровня по стране. Количественное сокращение носителей локальной самоидентификации региональных сообществ Востока и Юга, хотя и статистически незначительное, заслуживает внимания по другой причине. Поражение на последних президентских выборах поддерживаемого здесь кандидата и соответствующая психологическая травма не привели, как можно было ожидать, к росту уровня локальной самоидентификации как одному из возможных проявлений несогласия с избранием другого кандидата.

За этот же отрезок времени уровень национальной самоидентификации существенно возрос среди населения всех регионов, что является позитивной тенденцией для интеграции украинского общества. Заметное сокращение на Востоке и Юге количества тех, кто идентифицирует себя с населением бывшего Советского Союза, вполне вероятно, может привести к постепенному изменению конфигурации политической идентичности территориальных сообществ этих регионов.

Для определения регионального фактора интеграционной функции политической культуры важен также уровень распространенности ориентаций территориальных сообществ в *плане желаемого вектора развития региона в системе координат “национальная интеграция — региональная автономия”*.

Ориентации относительно желаемого вектора развития региона определялись по двум направлениям: унитарному, ориентированному, в первую очередь, на развитие связей с другими регионами (областями) и интеграцию с Украиной в целом, и автономному, предполагающему опору на собственные возможности региона. Эмпирической базой исследования в этом случае служат опросы “Регионы Украины” 1997 года и “Украинское общество” 2004 года.

Формулировка вопросов в этих двух опросах принципиально не отличается, однако в первом респонденты могли выбирать один из шести предложенных вариантов ответа, а во втором — только из трех. Это различие объясняется тем, что в опросе 1997 года в перечне возможных вариантов ответов были также варианты внешнеполитических ориентаций, что является методологической ошибкой. Но для нашего исследования важно не сравнение абсолютных числовых показателей, что при указанных различиях вообще некорректно, а прежде всего выявление общих тенденций в отношении унитарной и автономной ориентаций (данные опросов в таблице 4 без учета респондентов, указавших иной, нежели унитарный или автономный, предпочтительный вектор развития региона).

Таблица 4

**Динамика ориентаций в плане предпочтительных путей
развития макрорегионов, %**

Макрорегионы	Ориентации относительно вектора развития			
	Унитарный		Автономный	
	1997	2004	1997	2004
Центр	37,1	52,1	11,9	25,0
Запад	43,8	57,5	10,8	25,5
Восток	22,8	55,1	13,6	30,0
Юг	26,7	49,1	10,4	30,8
В целом по Украине	32,2	53,0	11,7	27,7

Среди всех макрорегионов в 1997 году высший уровень поддержки унитарного пути развития демонстрировали жители Запада и Центра по сравнению с населением Востока и Юга (разница значима на уровне 1%). Что касается уровня поддержки автономного вектора развития, различия между участниками опроса из разных макрорегионов не были сколько-нибудь значимыми.

Семь лет спустя самый высокий показатель поддержки унитарного развития оставался за жителями Запада, однако, в отличие от первого опроса, заметная разница в поддержке фиксируется для населения не только Юга, но и Центра. На Востоке уровень поддержки унитарного развития своего региона фактически не отличается от настроений на Западе. Уровни поддержки автономного вектора развития по-прежнему равномерно распределены между макрорегионами. Исключение составляет различие между Югом и Центром, демонстрирующее две крайние позиции: соответственно, самую низкую и самую высокую поддержку автономного развития. Но принципиально важен тот факт, что в обоих опросах процент сторонников первоочередного развития связей с другими регионами и интеграции с Украиной в целом значительно превышает количество предпочитающих опору прежде всего на собственные возможности региона и, соответственно, центробежных тенденций в построении государства.

Анализ интеграционной функции политической культуры позволяет определить ориентации граждан в отношении политической системы, их представления о базовых ценностях и соответствующих политических институтах.

Предпосылкой легитимности политической системы является **доверие к ее политическим институтам**. Политическая система и правительство с высоким уровнем легитимности более эффективны в определении и дальнейшей реализации политического направления развития страны. В демократических обществах легитимность власти связана с избранием ее путем выборов на конкурентной основе с соблюдением конституционных процедур. В переходных обществах, к которым относится Украина, политические лидеры обычно обосновывают свои претензии на легитимность, артикулируя свои предвыборные обещания, нередко остающиеся невыполненными.

На момент смены политического руководства страны (перехода власти от Л.Кравчука к Л.Кучме) среди всех регионов самые высокие показатели доверия к республиканским органам власти имели Запад и Центр, тогда как через десять лет ситуация кардинально изменилась и уровень доверия к политическому триумvirату существенным образом повысился на Востоке и Юге. Указанные сдвиги во времени свидетельствуют о разном отношении региональных сообществ к политическому режиму периода правления Л.Кучмы. Как показали результаты президентских выборов 2004 года, столь разный уровень доверия соответствующим образом повлиял на электоральные предпочтения в региональном измерении. Вместе с тем, независимо от абсолютных показателей внутрорегиональной динамики, рост доверия во всех регионах к трем высшим ветвям государственной власти после событий “оранжевой революции” может нивелировать зафиксированные региональные различия.

Таблица 5

Динамика уровня доверия к политическим институтам по макрорегионам

Политические институты по годам	Динамика уровня доверия								По Украине	
	Центр		Запад		Восток		Юг			
	N	Баллы	N	Баллы	N	Баллы	N	Баллы	N	Баллы
Президент Украины										
1994	597	2,48	324	2,73	403	1,90	483	2,19	1807	2,32
2004	588	2,19	326	2,00	402	2,50	481	2,43	1800	2,29
2005	590	3,65	325	4,08	401	2,65	482	3,16	1800	3,37
Правительство										
1994	597	2,43	324	2,44	403	2,11	483	2,27	1807	2,32
2004	587	2,22	326	2,18	402	2,40	480	2,37	1800	2,29
2005	589	3,24	325	3,71	399	2,54	480	2,94	1800	3,09
Верховная Рада										
1994	597	2,34	324	2,41	403	2,19	483	2,21	1807	2,29
2004	587	2,12	326	2,04	402	2,23	482	2,30	1800	2,18
2005	590	3,09	325	3,41	401	2,43	480	2,80	1800	2,92

Для интеграционной функции политической культуры важное значение имеет **политическая идентичность** региональных сообществ, операционализация которой осуществляется на основе предпочтения определенного политического течения, чувства национальной гордости, выбора Украины своей родиной.

Для определения *приверженности определенным политическим течениям* выделяют четыре категории. К первой принадлежат сторонники левых течений, к которым мы относим два: коммунистическое и социалистическое. Вторую категорию образуют сторонники/приверженцы центристских течений: социал-демократического, национал-демократического, христианско-демократического (опрос 1994 года) и экологического (опрос 2004 и 2005 годов). К ним мы условно добавили немногочисленную группу людей, которым близко религиозное (фундаменталистское) течение. Третью категорию составляют сторонники/приверженцы правых течений: националистического

и либерального. Последняя, четвертая категория охватывает тех, кто не определился или дистанцировался от всех основных политических течений.

В опросах 2004 и 2005 годов по сравнению с 1994 годом произошли определенные изменения. В частности, не были включены три течения: анархистское, анархо-синдикалистское и религиозное (фундаменталистское), было добавлено экологическое течение. В итоге список сократился до восьми политических течений.

Таблица 6

Динамика приверженности политическим течениям

Политические течения по годам	Динамика предпочтений по макрорегионам								В целом по Украине	
	Центр		Запад		Восток		Юг			
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
Левые										
1994	593	17,9	320	6,6	396	34,6	481	24,1	1790	21,2
2004	590	25,6	323	10,5	402	34,8	482	27,8	1797	25,5
2005	590	21,2	326	10,1	402	26,1	482	21,6	1800	20,4
Центристские										
1994	593	14,5	320	29,1	396	11,6	481	14,1	1790	16,4
2004	590	24,1	323	34,7	402	16,2	482	24,9	1797	21,8
2005	590	26,1	326	39,9	402	29,1	482	30,1	1800	30,0
Правые										
1994	593	3,4	320	6,6	396	3,5	481	3,1	1790	3,9
2004	590	3,1	323	7,4	402	2,0	482	1,9	1797	3,3
2005	590	1,7	326	8,9	402	2,0	482	2,1	1800	3,2
Не определились/дистанцировались										
1994	593	63,1	320	56,9	396	51,5	481	58,8	1790	58,3
2004	590	46,4	323	47,1	402	46,0	482	44,8	1797	46,0
2005	590	50,9	326	38,0	402	40,8	482	45,2	1800	44,8

Приведенные результаты подтверждают наличие в последнее десятилетие значимых различий в отношении к политическим течениям в региональном измерении. Однако важным в плане интеграционной функции политической культуры является постепенная переориентация региональных сообществ на центристские политические силы. Эта тенденция является особо знаковой для респондентов Востока и Юга, где в последние два года ряды сторонников центристов превысили количество приверженцев левых. Незначительное влияние политических партий, в том числе и левых, на современное протестное движение трудящихся Донбасса фиксируют и специальные социологические исследования [22, с. 120]. Ощутимый удельный вес сторонников левых в Центре объясняется тем, что именно здесь сконцентрирован электорат лидера Социалистической партии Украины А.Мороза.

Реальным препятствием для развития указанной позитивной тенденции может оказаться новая парламентская предвыборная кампания 2006 года. Речь идет о склонности подавляющего большинства политических

партий и блоков к популизму, левой риторике, основам патернализма и государственного вмешательства в экономическую деятельность. Наряду с этим, на политическом небосклоне не наблюдается ни одной весомой партии, которая бы отстаивала последовательные либеральные ценности. В таких условиях нивелируются различия между большинством партий, и пространство для маневрирования остается только для левой идеологической направленности политического процесса.

Чувство национальной гордости является одним из базовых показателей отношения к политической системе и нации. В период политической нестабильности и социальных трансформаций такое чувство общей идентичности и общей истории может солидаризировать человеческое сообщество.

Уровень чувства национальной гордости измерялся по пятибалльной шкале, где 1 балл означает отсутствие гордости, а 5 баллов — полное наличие гордости. Использован массив данных мониторинга “Украинское общество” за соответствующие годы.

Таблица 7

Динамика чувства национальной гордости, %

Макрорегионы	2002	2003	2004	2005
Центр	3,38	3,17	3,15	3,66
Запад	3,73	3,42	3,50	3,99
Восток	3,07	2,83	2,82	3,06
Юг	2,96	2,86	3,06	3,29
В целом по Украине	3,26	3,06	3,11	3,48

В течение четырех лет наблюдений самый высокий уровень чувства национальной гордости был присущ жителям Запада, причем в последние годы этот показатель постепенно увеличивался до максимальной отметки за все время мониторинга по этому вопросу. Такой результат красноречиво свидетельствует о региональной идентичности жителей Западной Украины, прежде всего Галиции, что четко прослеживается в единстве понимания исторического наследия и консенсусе в отношении национальной идеи.

Противоположную картину мы наблюдаем в случае Востока, жители которого высказывают сильные чувства региональной принадлежности, идентифицируя себя с местным сообществом безотносительно к “исторической идентичности”. Символическая бедность — результат истории данного региона, прежде всего Донбасса, как зоны тяжелой промышленности, сосредоточения жизнедеятельности индустриальных магнатов и рабочих — выходцев из сельских степных поселений.

Вместе с тем привлекает внимание постепенный рост в течение последних трех лет, особенно после событий “оранжевой революции”, чувства национальной гордости среди жителей всех макрорегионов, и это — позитив для интеграционной функции политической культуры региональных сообществ.

Правда, не следует забывать и о ситуативном влиянии международного внимания к событиям в Украине, особенно медийного резонанса украинских событий в странах Западной Европы и Северной Америки. Рядового украинца не могло не радовать, что о его стране заговорили, причем не исключительно в контексте трудностей, а именно в свете массового социального подъема, “*пробуждения украинского народа*”.

С чувством национальной гордости непосредственно связано отношение к Украине как своей Родине. Для измерения этого отношения мы использовали два индикатора: восприятие Украины как своей Родины и выбор Украины в качестве Родины. Эмпирической базой служили данные проекта “Украинское общество” за соответствующие годы.

Таблица 8

Динамика отношения к Украине как к Родине, %

Макрорегионы	Восприятие Украины как своей Родины			Вероятность выбора Украины как своей Родины	
	2002	2003	2005	2004	2005
Запад	92,6	88,2	97,5	74,2	88,6
Центр	88,9	83,9	94,4	58,9	83,6
Восток	78,1	64,2	84,8	56,1	67,1
Юг	77,8	70,6	86,1	61,4	66,1
В целом по Украине	76,7	76,7	90,6	61,3	78,8

Прежде всего отметим факт заметного роста позитивного отношения к Украине как к Родине после событий “оранжевой революции” независимо от макрорегиона.

Но среди всех участников опроса жители Западного и Центрального макрорегионов чаще, чем респонденты с Востока и Юга воспринимают Украину как свою Родину (разница значима на уровне 1%). Часть людей, которые с разной степенью вероятности (“безусловно, да” и “вероятно, да”) выбрали бы Украину своей Родиной, оказалась наибольшей на Западе, а наименьшей — на Юге.

Таким образом, интеграционная функция политической культуры по показателю отношения к Украине как к Родине наиболее выражена среди жителей Запада, а наименее — Юга. Что касается других макрорегионов, то Центр по этому показателю тяготеет к Западу, а Восток — к Югу (мягкий, промежуточный вариант различий).

Несмотря на зафиксированные различия, все же можно говорить о наличии общей тенденции укрепления единой национально-государственной идентичности в целом по всей Украине. Если в случае жителей Запада и Центра, скорее всего, срабатывает эмоциональный подъем после победы В.Ющенко, то на Востоке и Юге имеют место другие факторы. Одной из вероятных причин усиления позитивного отношения к Украине в этих макрорегионах может быть своеобразная защитная реакция на обвинения в сепаратизме и отсутствии патриотических чувств.

Региональный фактор активационной функции

Анализ регионального фактора активационной функции политической культуры базируется на выявлении инфраструктуры общественной активности населения, имеющих региональных агентов формирования политической культуры и уровня авторитаризма территориального сообщества. Показателями собственно интеграционной функции служат: политическая

активность и вовлеченность, а также политическая эффективность и готовность к социальному протесту.

Наличие данной **инфраструктуры** на региональном уровне, ее разветвленность важны как факторы создания соответствующей среды для вовлечения широких масс в общественно-политическую жизнь, прежде всего для социально-политической самоорганизации территориальных сообществ.

Доступные информационные источники¹ свидетельствуют о достаточной численности зарегистрированных общественных организаций и политических партий и объединений во всех макрорегионах Украины. Однако специальные исследования [23; 24] фиксируют проблематичность выявления реально функционирующих общественных организаций. Во-первых, препятствием становится трехуровневая система регистрации без надлежащего обмена информацией между государственными органами регистрации, а во-вторых, слишком сложная процедура ликвидации создает предпосылки для сохранения значительного количества фиктивных организаций. В итоге среди почти 40 тыс. зарегистрированных негосударственных организаций только каждую десятую можно считать дееспособной [23, с. 3]. Аналогичная ситуация наблюдается и в среде политических партий и блоков, остающихся, за немногими исключениями, “диванными” организациями.

Словом, на региональном уровне существует номинально достаточная инфраструктура для социально-политической самоорганизации территориальных сообществ, однако фактическая способность этой инфраструктуры влиять на общественную самоорганизацию граждан остается открытым вопросом.

В таких условиях весьма весомой становится роль **региональных агентов формирования политической культуры**, прежде всего региональных элит.

Региональные элиты пришли к независимости по вполне прагматическим мотивам. Те, кто имел реальную власть в Советской Украине, видели в независимости оптимальный способ сохранения того, чем обладали в условиях общего экономического кризиса, постепенно охватившего все сферы советской экономики. Региональным элитам было что терять, поэтому они так оперативно пошли на уступки национал-демократам в том, что касалось формирования идеологического и культурного фасада государства.

Отношение региональных элит к центральной власти Украины как к наследственной системе предполагает две линии стратегии и образцов взаимодействия: модернистскую и антимодернистскую. Так, в каждом макрорегионе Украины одни представители региональных элит демонстрируют модернистские установки, тогда как другие тяготеют к авторитаризму советского образца.

Политические акторы в такой системе могут рассматриваться как “свои” или как “чужие” в отношениях с политической структурой. “Свои” заинтересованы в сохранении статус-кво, тогда как “чужие” имеют прореформистские взгляды и часто требуют законодательных изменений, надеясь таким образом улучшить свое положение. При этом “чужие” поддерживают реформы до тех пор, пока изменения не затрагивают их собственную безопасность. Собственное политическое долголетие оказывается в этом

¹ Веб-порталы Творческого центра Каунтерпарт (<http://ccc.kiev.ua>) и информационного проекта Комитета избирателей Украины “Политическая Украина” (www.polit.com.ua).

случае более важным, чем политические программы и концепции. Политика предстает не как реализация общественного блага, а скорее в ленинском ее понимании — как логика завоевания власти.

Склонность региональных элит к модернистской или к авторитарной модели поведения можно определить, как предлагают немецкие социологи, на основе: отношения к текущим трансформациям режима и региональной политики; политических целей и стратегий их реализации; дискурсивных практик территориального сообщества; его места в политической структуре страны и имеющихся внешних контактов [17, с. 168].

Иллюстрацией приведенного подхода является типологизация региональной элиты Львовской области с выделением в ней двух основных групп. Первую группу составляют нравственные националисты, а вторую — функционально-прагматические акторы. В состав первой группы входят две подгруппы: авторитарные националисты, акцентированные на сильной централизации власти и авторитарной форме управления государством, и гражданские националисты с демократическими представлениями о государственном устройстве. Обе подгруппы были связаны с мобилизацией гражданской активности в конце 1980-х — в начале 1990-х годов и, вполне возможно, во время “оранжевой революции”. В свою очередь, вторая группа включает советских администраторов, как правило, “трудоустроенных” в органах исполнительной власти, и политически активных бизнесменов, среди которых распространен прагматический подход к политике [17, с. 168].

Несмотря на указанные различия, среди местной элиты Львовщины существует консенсус по национальному вопросу. При этом отношение элиты не отличается от настроений обычных граждан, что сказывается на электроном поведении, в частности, проявляется в поддержке правых и правоцентристских партий.

Что касается профиля региональной элиты Донбасса, то его определяет чрезмерная концентрация промышленных предприятий, бывших еще в советские времена инструментами политического и социального контроля над рабочей силой. Через коллектив руководство предприятия определяет уровень солидарности рабочих и содействует как объединению, так и разобщению рабочей силы. В советское время это был скорее символический коллективизм, поскольку коллектив не превратился в самоорганизацию рабочих, а организовывался сверху. Рабочие зависели от управленцев, со стороны которых ожидали защиты на рабочем месте от внешних угроз. Наряду с этим определенные стратегии внутри предприятий имели эффект индивидуализации. Профсоюзы тоже создавались сверху, их организации на предприятиях были составляющей руководства этих предприятий.

Сегодня низкая профессиональная мобильность, склонность к профессиональной и территориальной самоидентификации особо ощутимы в угольной промышленности, где большинство рабочих идентифицируют себя со своим предприятием и местным населением. Они по-прежнему зависят от шахтоуправлений не только в плане работы, но и различных форм социальной защиты. В таких социально-экономических условиях ведущим региональным актором формирования политической культуры населения Восточного макрорегиона становится директорский корпус наиболее мощных промышленных предприятий.

Местная элита гордится своей принадлежностью к “старому индустриальному региону”, ссылаясь на трудовые традиции и технические достиже-

ния. Отсутствие альтернативного видения развития региона, кроме традиционного индустриального, сопровождается пассивным отношением к изменениям.

Различия агентов формирования политической культуры влияют и на **уровень распространённости авторитарных настроений** среди региональных сообществ Украины. Актуальность этого вопроса связана прежде всего с общеправовым подтекстом событий вокруг президентских выборов 2004 года и с перспективами политической реформы.

В 1994 году наиболее распространёнными авторитарные настроения были среди жителей Востока и Юга, тогда как в Центре и на Западе наблюдалась противоположная ситуация. Десять лет спустя возросло количество приверженцев “сильной руки”, в первую очередь, среди респондентов Запада, а также Центра, тогда как жители Востока и Юга стали более демократично настроенными. Ситуация коренным образом изменилась после событий “оранжевой революции”.

Доверие к политическим институтам, как продемонстрировали президентские выборы 2004 года, в значительной мере определяется отношением общества к действующим законам. На этих выборах факты манипулирования законом о выборах привели к противоречию между правом и законом, расхождению между легитимностью и легальностью. Легитимность без закона теряет свой процедурный характер и становится ограниченной. В итоге во время выборов 2004 года в Украине фактически не было ни одного полноценного претендента на должность главы государства, а в стране возникла ситуация “полупрезидентов трехпрезидентской полуреспублики” [25]. Один из трех имел мандат майдана, второй — мандат ЦИК, а третий — мандат по Конституции. Официальное легальное право оказалось не в состоянии защитить интересы общества путем соблюдения легальной, юридической процедуры.

Манипуляция законодательством об избирательном процессе, которое должным образом не учитывает интересы общества и не опирается на авторитет судебной власти, привела к потере легитимности законодательством и втягиванию страны в кризис правоприменения. Ситуацию усложнили и сами главные фигуранты президентских выборов, демонстрируя широкой общественности примеры правового нигилизма. Один из кандидатов поспешно принял присягу в парламенте, тогда как другой требовал от Центральной избирательной комиссии преждевременного официального объявления результатов второго тура голосования. Кроме того, перед проведением переголосования второго тура оба кандидата на многотысячных митингах призывали своих сторонников не признавать легитимности победы своего конкурента.

Острота политической борьбы за кресло Президента Украины на выборах 2004 года в значительной мере была обусловлена крайне высокими властными полномочиями главы государства. Этот аспект особенно актуален, учитывая отношение наших граждан к перспективам политической реформы и ожидаемый уровень общественной поддержки перехода от президентской власти к парламентско-президентской форме управления государством.

Приведенная динамика поддержки тоталитаризма среди региональных сообществ Украины фиксирует тенденцию заметного усиления авторитарных настроений во всех макрорегионах и, как следствие, в целом по Украине. Побочным результатом изменения отношения к “сильной руке” стало существенное уменьшение доли тех, кто ранее не мог определить своей позиции.

Таблица 9

**Динамика регионального распределения ответов на вопрос:
“Согласны ли Вы с мнением, что несколько сильных руководителей
могут сделать для нашей страны больше, чем все законы
и политические дискуссии?”,%**

Уровень согласия по годам	Центр	Запад	Восток	Юг	В целом по Украине
1994					
Согласен	33,7	39,3	46,2	46,2	40,8
Не согласен	18,8	19,8	16,8	13,5	17,1
Не знаю	47,6	40,9	36,9	40,3	42,1
2004					
Согласен	44,1	50,9	45,3	48,3	48,3
Не согласен	16,5	16,6	19,5	21,2	18,4
Не знаю	39,4	32,5	35,3	30,5	34,8
2005					
Согласен	58,0	60,7	63,8	57,6	59,7
Не согласен	24,2	22,7	16,4	23,7	22,1
Не знаю	17,8	16,6	19,7	18,7	18,2

Показателем практического участия населения в социально-политической жизни является *политическая активность и вовлеченность*. Для операционализации этого показателя использовались такие эмпирические индикаторы: факт членства в общественных или политических организациях; частота участия в политических митингах, а также частота контактирования с активистами общественно-политических движений, партий.

Полученные данные указывают на незначительную динамику различий в вовлеченности граждан Украины в общественные или политические организации между регионами. За последние 11 лет этот показатель не претерпел значительных изменений независимо от региона. Исключение составляет заметное снижение уровня членства на Западе и, наоборот, возрастание — на Юге. В целом же по стране в период социологического наблюдения ситуация остается фактически неизменной. Последний результат служит подтверждением пассивности не только рядовых граждан, но и самих субъектов социально-политической деятельности, прежде всего первичных структур политических партий и общественных организаций.

Таблица 10

**Динамика членства в общественных и политических организациях
по макрорегионам, %**

Макрорегионы	1994	2004	2005
Центр	16,7	16,1	13,4
Запад	21,9	23,9	16,0
Восток	14,8	12,9	17,7
Юг	16,0	13,9	18,9
В целом по Украине	17,0	16,2	16,3

Результаты массовых опросов фиксируют общее уменьшение участия людей в политических митингах и контактирование с активистами политических партий по сравнению с начальным периодом государственной независимости Украины. Данная тенденция характерна для всех регионов. Так, уровень участия жителей Западного региона в политических митингах в ноябре 1991 года был самым высоким в Украине, однако в 2004 году заметно сократился и по этому показателю сравнялся с Восточным регионом. Последний единственный из всех регионов не отмечен сколько-нибудь ощутимым сокращением участия граждан в политических митингах. Что касается контактов с активистами политических партий, то в ноябре 1991 года в Западном регионе люди были активнее, чем на Юге и Востоке, но не отличались по этому показателю от Центра. Согласно опросу 2004 года, Западный регион стал единственным, где к тому времени не произошло значительного сокращения таких контактов.

Последний результат, вполне возможно, не только является следствием недостаточной социальной активности рядовых граждан, но и объясняется слабой организационной инфраструктурой ведущих субъектов политической деятельности на региональном уровне.

Особо следует сказать об участии в политических акциях в период «оранжевой революции». Данные мониторингового опроса 2005 года свидетельствуют о значительных региональных различиях. Так, участвовали в акциях в Киеве и других населенных пунктах и помогали митингующим половина граждан в Западном регионе, четверть — в Центральном и гораздо меньше — на Востоке и Юге (соответственно 8% и 5%).

В таблице 11 отражена динамика участия в митингах и контактов с активистами (заметим, что в этом случае речь не идет ни о частоте участия, ни об интенсивности контактов).

Таблица 11

Динамика участия в политических митингах и контактов с политическими активистами, %

Макрорегионы	Участие в митингах				Контактирование с активистами			
	Ноябрь 1991		2004		Ноябрь 1991		2004	
	да	нет	да	нет	да	нет	да	нет
Центр	16,0	78,2	9,7**	89,1	19,0	73,2	11,2**	86,2
Запад	23,4	72,1	17,2*	80,1	24,2	69,4	18,5	76,9
Восток	13,4	83,0	12,2	85,8	15,6	81,2	7,3**	87,2
Юг	14,4	81,3	7,8**	89,1	16,1	79,6	8,5**	87,1
В целом по Украине	16,5	78,9	11,1**	86,7	18,5	76,1	10,9**	85,0

* — различия значимы на уровне 0,05.

** — различия значимы на уровне 0,01.

Политическая эффективность и готовность к социальному протесту рассматриваются как реальный уровень способности рядовых граждан влиять на субъектов политической деятельности. Операционализация регионального измерения этого показателя политической культуры осуществлялась на основе следующих эмпирических индикаторов: способность рес-

пондентов противостоять правительству Украины и местным властям в случае, когда они нарушают их права и интересы; готовность опрошенных принять участие в различных мероприятиях по отстаиванию своих прав и интересов.

В течение 11 лет часть наших граждан, способных (хотя бы на вербальном уровне) противостоять решениям правительства, нарушающим их права и интересы, осталась незначительной. После событий “оранжевой революции” имел место ощутимый рост данного показателя в целом по Украине, однако больше половины респондентов оставались пессимистами в оценках своего влияния на высший орган исполнительной власти страны. В региональном измерении заметное возрастание количества способных повлиять на правительство зафиксировано только в Центре.

Таблица 12

Динамика самооценок способности противостоять решениям правительства и местных властей, %

Самооценки	Центр	Запад	Восток	Юг	В целом по Украине
Решениям правительства					
1994					
Да	3,0	7,8	7,6	6,0	5,7
Нет	65,9	65,5	59,1	70,4	65,5
Трудно сказать	31,1	26,7	33,2	23,6	28,8
2004					
Да	4,4	8,3	7,0	6,4	6,2
Нет	70,2	64,6	70,6	69,5	69,1
Трудно сказать	25,4	27,1	22,4	24,1	24,7
2005					
Да	9,9	11,4	7,5	9,3	9,5
Нет	52,8	51,8	63,9	60,4	57,1
Трудно сказать	37,3	36,8	28,6	30,3	33,4
Решениям местных властей					
1994					
Да	8,1	14,9	18,4	11,3	12,4
Нет	58,9	56,8	48,3	60,9	56,8
Трудно сказать	33,0	28,3	33,3	27,8	30,8
2004					
Да	13,6	15,4	12,7	12,1	13,3
Нет	55,6	44,3	58,6	58,4	55,0
Трудно сказать	30,9	40,3	28,7	29,5	31,7
2005					
Да	18,3	19,0	13,2	17,8	17,2
Нет	43,8	41,4	54,5	45,5	46,2
Трудно сказать	37,9	39,6	32,3	36,7	36,6

Как демонстрируют полученные результаты, вдвое больше людей, чем в предыдущем случае, считают себя способными противостоять аналогичным решениям местных властей. Анализ динамики по этой категории не об-

наружил значительных сдвигов за последние 11 лет. Среди регионов сколько-нибудь значимая позитивная динамика зафиксирована в Центре, а негативная — на Востоке.

В первом опросе больше всего способных, по крайней мере на вербальном уровне, противодействовать решениям местных властей, нарушающим права и интересы граждан, оказалось в Северо-Восточном и Западном регионах. Через десять лет в первом из этих регионов происходило заметное уменьшение этой категории граждан, тогда как во втором количество их немного увеличилось. Заметим, что по этому показателю разница данных между Западным регионом и в целом по Украине зафиксирована на пятипроцентном уровне.

Предпосылкой практического воплощения социального протеста является **выбор наиболее эффективных и одновременно приемлемых для непосредственного участия средств и способов отстаивания своих прав и интересов.**

К несанкционированным мерам в опросе 1994 года относились: бойкот; несанкционированные митинги, демонстрации; забастовки; захват зданий, блокирование путей сообщения; создание вооруженных формирований. В опросе 2004 года этот перечень сократили, исключив последнюю позицию как наименее вероятную для реального воплощения. Однако в опросе 2005 года в перечень вариантов снова включили указанную позицию и добавили участие в предвыборных кампаниях.

Заполняя анкету, респонденты могли отметить одновременно несколько несанкционированных мер, что сказывалось на суммарных показателях удельного веса граждан, поддерживающих подобные меры. Для более корректного определения величины поддержки несанкционированных мер мы учитывали упоминание респондентами только одного из этих мероприятий.

Отдельно следует остановиться на юридическом аспекте бойкота как возможной форме социального протеста. Бойкотирование как реакция на решения и действия (или бездействие) органов государственной власти и местного самоуправления, юридических и должностных лиц в сфере управления в случае, когда они нарушают права и свободы граждан, в целом является несанкционированным. Тем не менее действующая в Украине нормативно-правовая база позволяет расценивать бойкот как легитимный способ защиты прав и свобод человека и гражданина в случае нарушения их государственными органами или другими субъектами правоотношений в разных сферах деятельности. В частности, речь идет о разъяснении, изложенном в пункте 5 Постановления Пленума Верховного Суда Украины от 3 декабря 1997 года № 13 “О практике рассмотрения судами дел по жалобам на решения, действия или бездействие органов государственной власти, органов местного самоуправления”. Заметим, что в первом опросе бойкот как наиболее эффективный и приемлемый для личного участия способ социального протеста выбрали 7%, а в последнем — 3% опрошенных.

Общей тенденцией последних 11 лет является распространение среди населения Украины мнения о наибольшей эффективности и приемлемости для личного участия таких форм социального протеста, как сбор подписей под коллективными воззваниями и проведение законных митингов и демонстраций.

Особого внимания заслуживает отношение респондентов к несанкционированным акциям социального протеста после событий “оранжевой ре-

волюции”. Как свидетельствуют приведенные данные, по сравнению с предыдущим годом по всем регионам увеличилось количество готовых поддержать несанкционированные акции протеста. Однако важным для сохранения конституционного порядка остается тот факт, что количественный рост показателей на Востоке и Юге, большинство жителей которых переживают психологическую травму из-за проигрыша поддерживаемого ими кандидата на пост главы государства, не превышает показателей первого года президентства Л.Кучмы. В абсолютных цифрах, напротив, увеличилась доля готовых поддержать несанкционированные формы протеста на Западе и в Центре, абсолютное большинство жителей которых проголосовали за победителя последних президентских выборов в Украине.

Таблица 13

Динамика приемлемых для личного участия способов отстаивания своих прав, %

Способы отстаивания своих прав	Центр	Запад	Восток	Юг	По Украине
<i>Участие в предвыборных кампаниях</i>					
1994	16,6	15,4	15,9	14,3	15,6
2005	27,0	22,2	24,1	20,3	23,7
<i>Сбор подписей под коллективными воззваниями</i>					
1994	15,0	20,1	19,9	15,5	17,2
2004	20,5	20,3	22,6	23,8	21,8
2005	23,2	22,2	29,1	24,1	24,6
<i>Законные митинги и демонстрации</i>					
1994	12,8	16,4	20,9	18,2	16,6
2004	19,8	25,2	17,2	16,0	19,2
2005	35,4	37,7	35,3	29,5	34,2
<i>Несанкционированные мероприятия</i>					
1994	9,2	9,6	13,2	10,4	10,5
2004	6,6	6,8	4,7	3,7	5,4
2005	12,2	12,9	9,0	10,8	11,2
<i>Ни одно из мероприятий</i>					
1994	32,3	34,0	29,5	32,7	32,2
2004	32,9	30,5	39,1	43,5	36,7
2005	22,4	19,4	26,9	31,1	25,2

В свою очередь, в наибольшей степени часть социально пассивных, отказывающихся лично участвовать в любой из предложенных форм социального протеста, за период социологического наблюдения уменьшилась в Центре и на Западе, тогда как на Востоке и Юге ситуация фактически не изменилась.

Выводы

Вариабельность оценок исторического прошлого, обусловленная многообразием социокультурных стереотипов восприятия исторических событий, заметно влияет и на восприятие нынешней политической жизни, на по-

литические ориентации и электоральный выбор региональных сообществ. В этой связи можно говорить о двух разновидностях регионализма. Западная Украина, и прежде всего Галиция, служит примером готовности отчасти поступиться собственной самостоятельностью ради сохранения унитарности украинского национального государства. Здесь массовое политическое сознание направлено на сохранение национального государства, а не политического устройства. Вместе с тем Восток и Юг демонстрируют регионализм самодостаточности, когда на первый план выходит защита интересов территориального сообщества. Следует отметить, что, в отличие от Донбасса, в АР Крым существует скорее не экономическая самодостаточность, а социокультурная и идеологическая обособленность. Позиция территориального сообщества центральной части Украины по отношению к событиям “оранжевой революции” была промежуточной между Западом, с одной стороны, и Востоком и Югом — с другой, а наблюдающаяся сейчас региональная дифференциация политических ориентаций позволяет говорить об определенном идеологическом противостоянии Запада и Востока с Югом, хотя по большинству других показателей политической культуры эти регионы существенным образом не отличаются. В частности, в течение последнего десятилетия постепенно нивелировались различия национальной самоидентификации жителей различных регионов Украины с возрастанием уровня национальной пространственно-территориальной самоидентификации и соответствующим снижением локальной.

Приближение граждан Украины в своих предпочтениях к центристской платформе уменьшает влияние идеологических различий между сторонниками двух крайних политических течений: левых и правых. Преобладание центристской политической платформы среди других политических течений во всех регионах дает основания утверждать: политическая идентичность по показателю близости к определенным политическим течениям не является дезинтеграционным фактором политической культуры современного украинского общества. Следует также отметить, что немало тех, кто политически не определился или дистанцировался от любых политических течений, существенно уменьшает влияние этого показателя на формирование политической идентичности региональных сообществ.

Региональные вариативности развития политической культуры населения Украины не являются устойчивыми во временном континууме, поскольку чутко реагируют на довольно мощное влияние ситуативных факторов: интересов региональных элит, конфигурации медийного пространства и потенциала информационных ресурсов, текущих политических процессов.

Таким образом, один и тот же регион может демонстрировать разную динамику отдельных показателей политической культуры в зависимости от конкретного промежутка времени. Поэтому различия между регионами могут заключаться не только в межрегиональных особенностях по состоянию на конкретный отрезок времени (“статические различия”), но и в разных темпах внутрирегиональной динамики как реакции регионального сообщества на изменения в социально-политической жизни в последнее десятилетие (“динамические различия”). Зафиксированный явно низкий уровень доверия региональных сообществ не только к основным общегосударственным институтам власти, но и к местным, отсутствие массовой поддержки политических лидеров и течений сепаратистского толка позволяют говорить об отсутствии

“достаточных институциональных предпосылок, которые бы “фрагментировали” государственно-территориальную общность” [26, с. 165].

Региональная элита также не заинтересована обострять отношения с центральной властью, в силу своей недостаточной способности конкурировать с мощными финансово-промышленными группами России и опасения утратить собственный бизнес. В случае Донбасса практически все сколько-нибудь финансово привлекательные приватизированные предприятия принадлежат именно местной элите. Итак, территориальная целостность и суверенитет Украины являются одной из главных предпосылок сохранения капиталов для национальной экономической элиты, независимо от региона проживания.

Противоположная реакция, повышенная резистентность элиты Донбасса по отношению к центральной власти может быть спровоцирована попыткой Киева реприватизировать местные крупные предприятия и таким образом “дожать” региональные олигархические группы. Подобный сценарий развития весьма опасен, учитывая существование феномена психологической травмы значительной части избирателей Донбасса, считающих, что проиграли президентские выборы и стремящихся к реваншу на парламентских выборах 2006 года.

Различия исторической идентичности региональных сообществ не сказываются на “индексе гражданственности”, что служит агрегированным показателем уровня политической вовлеченности, активности и политической эффективности. Заметный рост участия в законных митингах, демонстрациях, согласно опросу 2005 года, — следствие прежде всего массовых социальных возмущений в ходе последних президентских выборов. Носит ли этот рост только ситуативный характер, или же в украинском обществе действительно наметилась тенденция усиления социальной активности и самоорганизации, можно будет сказать только после парламентских выборов в марте 2006 года.

Таким образом, с позиций выбранного для анализа функционального подхода политическую культуру всех регионов Украины можно определить как тяготеющую к интеграционно-пассивному типу с некоторыми неприципиальными отклонениями. Указанная типологизация не учитывает период “оранжевой революции”, которая служит скорее образцом форс-мажорных социально-политических обстоятельств.

Что касается стереотипов развития политической культуры региональных сообществ, то здесь прежде всего вызывает беспокойство заметный рост авторитаризма во всех регионах Украины, но заметнее всего — в Западном регионе, после завершения событий “оранжевой революции”. Таким образом, перед политической элитой страны стоит проблема легитимации действующих законов, без решения которой невозможно построить инновационно-демократический тип массовой политической культуры и двигаться в направлении стабильной демократической системы западного типа.

Литература

1. *Meier-Dallach H.P., Hohermuth S., Nef R., Anliker R.* Zwischen Zentren und Hinterland. — Diessenhofen, 1982.
2. *Доленко Д.В.* Территориальная организация общества как объект научного исследования // Регионология. — 1999. — № 2. — С. 173–188.

3. *Стегний О.* Динаміка просторово-територіальної самоідентифікації населення України // Український соціум. — 2004. — № 2. — С. 62–74.
4. *Стегний О., Чурилов М.* Регіоналізм як об'єкт соціологічного дослідження. — К., 1998.
5. *Макеєв С., Патракова А.* Региональная спецификация социокультурных различий в Украине // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2004. — № 3. — С. 109–125.
6. *Кононов І.Ф.* Етнос. Цінності. Комунікація (Донбас в етнокультурних координатах України). — Луганськ, 2000.
7. *Odushkin O.* Political Subcultures in Ukraine: Historical Legacy and Contemporary Divides, Extreme Movements and Ideological Preferences of Eastern and Western Ukrainians as Indicators of Hidden Antagonism // Polish Sociological Review. — 2000. — № 4. — P. 411–445.
8. *Sereda V.* Regional Historical Identities in Ukraine: Case Study of Lviv and Donetsk // Наукові записки Національного університету “Києво-Могилянська академія”. — 2002. — Т.20. — С. 26–33.
9. Регіональна Україна. — К., 2003.
10. *Кононов І.* Донбасс: этнические характеристики региона // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2003. — № 2. — С. 72–97.
11. *Романюк А., Черныш Н.* Восток – Запад: компромисс или конфронтация // Философская и социологическая мысль. — 1995. — № 3–4. — С. 104–116.
12. *Черныш Н.Й., Маланчук О.* Поколінські моделі особистісних ідентичностей: регіональні виміри // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. — Харків, 2003. — С. 254–260.
13. *Оксамитна С., Макеєв С.* Соціологічний ракурс політичної географії України // Політичний портрет України. — 1995. — № 11. — С. 1–7.
14. *Погоріла Н.Б.* Регіональні поділи в Україні: на прикладі політичної культури // Політична культура: теорія, проблеми, перспективи. — К., 2004. — С. 63–81.
15. *Дацюк С., Грановский В.* Геополитика, хронополитика и культурополитика Украины // Зеркало недели. — 1999. — 16 января.
16. Социология и политика : Материалы круглого стола и научной конференции социологов и политологов Украины и России (19–21 июня 2003 года). — К., 2003.
17. *Tatur M.* (ed.). The Making of Regions in Post-Socialist Europe — the Impact of Culture, Economic Structure and Institutions. — Wiesbaden, 2004. — Vol. 1; Vol. 2.
18. *Rusen J.* Crisis — History — Identity. — www.cfh.lviv.ua/reset/sessions.
19. Переяславська рада 1654 року (Історіографія та дослідження). — К., 2004.
20. Переяславська угода 1654 року: історичні уроки для українського народу. — К., 2004.
21. *Баранов А.В.* Региональная политическая идентичность // Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения. — Краснодар, 2004. — С. 77–86.
22. *Панькова О.* Мотивация протестного поведения работников промышленных предприятий Донецкой области // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2003. — № 3. — С. 107–120.
23. Громадянське суспільство в Україні. Аналітичний звіт за результатами загальнонаціонального опитування недержавних організацій України. — К., 2003.
24. Звіт за даними дослідження “Стан розвитку неурядових організацій України у 2002 році”. — К., 2003.
25. *Карасев В.* Низы не хотят по-старому, а верхи не могут по-новому // 2000. — 2004. — 3 декабря.
26. *Резник А.* Институциональные факторы стабильности слабоинтегрированного украинского общества // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2005. — № 1. — С. 155–167.